

*Манохина Н.В.,
Д.э.н., профессор,
ведущий научный сотрудник ИПЭИ
Россия, Саратов;
Устинова Н.Г.,
к.э.н., доцент кафедры «Экономика и маркетинг» СГТУ им. Ю.А. Гагарина
Россия, г. Саратов*

*Manokhina N.V., Doctor of Economic Sciences, Professor,
Leading Researcher, IPEI Russia, Saratov;*

*Ustinova N.G., Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of
Economics and Marketing, SSTU named after Y.A. Gagarin, Russia, Saratov*

ГЛОБАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И НОВЫЕ ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация: Данная статья посвящена оценке взаимосвязи глобализации и неравенства. Рассмотрены проблемы и новые формы проявления глобального неравенства. Анализ проводился на основании исследования зарубежной литературы по выбранной тематике.

Ключевые слова: зоны глобального неравенства/равенства, миросистема, плюрализм, глобальная дихотомия, институциональное неравенства, планетарные риски.

GLOBAL INEQUALITY AND NEW FORMS OF ITS MANIFESTATION

Abstract: This article is devoted to the assessment of the relationship between globalization and inequality. The problems and new forms of manifestation of global inequality are considered. The analysis was carried out on the basis of a study of foreign literature on the selected topic.

Key words: zones of global inequality/equality, world system, pluralism, global dichotomy, institutional inequality, planetary risks.

Одной из неоспоримых объективных тенденций развития глобальной миросистемы является глобальное неравенство, имеющее множественные проявления, что позволяет наделить его таким свойством как плюрализм.

Глобальное неравенство вместе с глобальным равенством составляют, образуют глобальную дихотомию с явной асимметричностью.

Авторы полагают, что зоны равенства в глобальной экономике, глобальном пространстве точечные и совершенно несоизмеримые с зонами глобального неравенства, поэтому первые проще перечислить, чем раскрыть все проявления глобального неравенства. Здесь используется новый термин - зоны глобального неравенства/ равенства- это те сферы, уровни и сегменты глобальной системы, в которых агрегированы, сконцентрированы и наиболее очевидно проявляются процессы глобального неравенства/равенства.

Глобальное равенство не иллюзорно и появляется в декларируемой суверенности стран, их государственного устройства, экономической системы и модели развития, самостоятельности в выборе стратегии перспективного движения. Все это не абсолютно и весьма относительно.

Традиционные формы глобального неравенства - неравенство в ресурсном обеспечении субъектов мировой экономики, в их распределении и перераспределении, неравенство в распределении глобального богатства, доходов, неравенство в глобальных институтах власти, институтах глобального регулирования [1].

Чаще всего глобальное неравенство связывают с глобальным неравенством в доходах. Влияние экономической глобализации на неравенство доходов во всем мире прослеживается в нескольких направлениях [4]:

Во-первых, глобализация приводит к (от небольшого до умеренного) увеличению неравенства.

Во-вторых, хотя эффект торговой глобализации невелик, финансовая глобализация демонстрирует более значительное и значительно более сильное воздействие, приводящее к увеличению неравенства.

В-третьих, происходит средний рост неравенства в результате глобализации как в развитых, так и в развивающихся странах.

В-четвертых, образование и технологии смягчают влияние глобализации на неравенство доходов.

Есть и малоизученные проблемы глобального неравенства, одна из которых новые планетарные риски. В настоящее время глобальный мир подвержен

экзистенциальному риску, который недостаточно глубоко осознается и фрагментно представлен в научных исследованиях. *Экзистенциальный риск* - это угроза глобального коллапса цивилизации, это антропогенные риски, включающие наличие и распространение ядерного оружия, биологического оружия (особенно новые искусственно созданные пандемии), экологические риски, такие как изменение климата, и риски, связанные с новыми технологиями, такими как общий искусственный интеллект (AGI). Агрегирование этих рисков может создавать угрозу самому человечеству, причем, часть этих рисков преднамеренно создано именно человечеством. Поэтому на повестку дня выходит обеспечение экзистенциальной безопасности, и в ее понимании, принятии и реализации отчетливо проявляется глобальное неравенство.

Одним из первых проблему экзистенциального риска и экзистенциальной безопасности поднял Н. Сирс. По мнению Натана Сирса, наступившая новая эпоха должна поставить серьезные задачи перед традиционными способами мышления и ведения международных отношений, а вместо «человеческой безопасности» отдельных граждан или «национальной безопасности» отдельных государств теперь необходимо заботиться о «экзистенциальной безопасности» всего человечества. Вместо того, чтобы думать об армейских дивизиях или статусных играх при определении великих держав, теперь надо спросить: «Кто может уничтожить мир?». Старый Вестфальский порядок из всех сил пытается найти смысл в этом новом порядке. Старые единицы государств и альянсов, старые методы войны и баланса сил, а также старые идеологии самопомощи и силовой политики недостаточны для понимания этой новой эпохи [3].

В своих работах Н. Сирс рассматривал проблемы, которые экзистенциальные риски создают для существующих теорий международных отношений, а именно цивилизационный коллапс и вымирание человечества, и стремился переосмыслить рационализм, неореализм и теорию секьюритизации в этих рамках [5].

В настоящее время создан Центр изучения экзистенциального риска (CSER) в Кембриджском университете. Глобальное неравенство, по нашему мнению, проявляется и в отношении к этим рискам, палитра которого многозначна, от от

умолчания, игнорирования и неприятия до сильной тревоги, беспокойства и активного персонифицированного участия в решении жизненно важных глобальных проблем, например, к проблеме секьюритизация человечества- создание растущего числа угроз, с помощью которых предположительно оно может уничтожить себя как разновидность.

Авторы считают, что экзистенциальный риск неравномерно распределяется по различным странам, поскольку они находятся на различных стадиях, уровнях социально- экономического и политического развития, имеют несопоставимый потенциал и возможности нивелировать эти риски планетарного характера.

Кроме того, авторы полагают, что интенсивная глобализация не только усиливает существующее неравенство в мировой экономике, но и порождает новые его формы, в качестве которых рассматриваются институциональное неравенство в статусе стран, одни из которых (ограниченное число стран) являются сильными глобальными игроками – принципалами и устанавливают правила игры в глобальной политике, экономике и т.д., которых придерживаются и которым следуют другие страны, находящиеся в сфере их влияния, их называют агентами.

Неравенство в институциональном статусе стран проявляется и в том, что среди принципалов выделяется особая группа стран - глобальных держав, другие страны- другие принципалы, и тем более остальные страны – агенты так или иначе подвластны им [2].

Отметим, что понятие державы многогранно (глобальные, локальные, региональные), а их влиятельный статус как ведущих в международной политике и экономике – спорно. Но при этом ни одна из стран не снимает с себя этот статус и всеми силами старается его обрести.

Считается, что великие державы, как субъекты международной системы, обладающие наибольшими возможностями для принятия мер, мыслят как дальше вперед, так и в более широком и системном плане, чем другие государства; затем они используют свое выдающееся положение, чтобы организовывать других для продвижения общественных благ, пожиная плоды на этом пути благодаря своему руководству событиями. В основе этого понимания лежит предположение о том,

что действия великих держав вдохновлены или должны быть вдохновлены чем-то большим, чем простой личный интерес и стремление к краткосрочным выгодам. Отметим, что в статусе великих держав современные исследователи однозначно называют Россию, Китай и США.

«Конкуренция великих держав является пробным камнем для стратегов и политиков. Ее популярность проистекает из представлений о подъеме Китая, возрождении России и относительном упадке Соединенных Штатов» [6]. Будучи органичным продуктом международной практики, лидерство великих держав традиционно было прерогативой историков и юристов-международников.

Первые исследователи этой темы использовали индуктивные рассуждения, чтобы вывести общие положения социологии великих держав на основе знаковых поселений 18 и 19 веков. Представление о великих державах как о касте лидеров зародилось в борьбе против Людовика XIV, получило предварительную институциональную форму в результате таких соглашений, как Утрехтский договор (1713 г.), и значительно углубилось как в институционализации, так и в усложнении в Европейском концерте XIX века. Возвращение Франции к полному статусу великой державы, Конгресс (1878 г.) и конференция (1884 г.) в Берлине, а также подавление Боксерского восстания (1899–1901 гг.) — все это продемонстрировало готовность и способность держав сотрудничать в управлении международные перемены. В начале 20-го века руководство великих держав было признано несправедливым виновником катастрофы, а также все более формализовано через признание в новых международных институтах, таких как Лига Наций и Организация Объединенных Наций. Теоретики международных отношений начали формулировать теории, основанные на управлении великими державами, во время зарождения этой дисциплины в начале 20 века. Реалисты и либералы часто используют концепции великих держав для объяснения процессов равновесия, гегемонистской конкуренции и институционального строительства, в то время как подходы, находящиеся под влиянием конструктивизма, фокусируются на роли идей, статусов и ролей в формулировании идентичности и политики великих держав. Доктрина «Обязанности по защите» (R2P) — это

проявление в XXI веке применения лидерства великих держав к международным проблемам; хотя некоторые и восхваляют его как будущее управления великими державами, оно вызывает споры как среди теоретиков, так и практиков. Точно так же обширное научное внимание было уделено управлению и приспособлению «восходящих держав». Это государства, которые, скорее всего, получают статус великой державы, и ведутся широкие дебаты по поводу их ориентации на международный порядок и его потенциального управления.

Позиция России и Китая вызвала глубокие размышления о природе великой державы, ответственность растущих и существующих держав, а также место управления великими державами среди глобальных вызовов 21 века.

Н. Сирс поставил вопрос: «Какие государства обладают материальной способностью уничтожить человечество?». То есть, кто именно вносит свой вклад в экзистенциальный риск? Его ответом были Соединенные Штаты, Россия и Китай – и по этой причине эти три страны следует считать великими державами. Это также побудило к дальнейшим исследованиям, направленным как на физическую природу экзистенциального риска — создание, размещение и владение материальными возможностями разрушения, так и на его политическую экономию: кто создает экзистенциальный риск и в чьих интересах?[7].

Авторы полагают, что упомянутый исследователь крайне односторонне и слишком тенденциозно рассматривает статус державности отдельных государств. Даже если исходить из того, что эти страны есть сильнейшие военные державы, объективно этот список могут пополнить и другие страны с ядерным оружием. Это еще и Франция, Великобритания, Северная Корея, Пакистан, Индия, Израиль. Более того, державность симметрично предполагает и развитую экономику, с современными технологическими укладами. Однако в списке стран с ядерным оружием есть как развитые, так и развивающиеся страны, такие как Индия, Северная Корея, явно не являющиеся экономическими лидерами в глобальной экономике, но справедливости ради отметим их быстрый экономический рост и наращиваемый потенциал.

Таким образом, глобализация не только усиливает существующее неравенство в мировой экономике, но и порождает новые его формы, в качестве которых рассматриваются институциональное неравенство в статусе стран, одни из которых (ограниченное число стран) являются сильными глобальными игроками – принципалами и устанавливают правила игры в глобальной политике, экономике и т.д., которых придерживаются, им следуют другие страны, находящиеся в сфере их влияния и называемые агентами.

Использованные источники:

1. Новые подходы к развитию экономики и корректировки современных хозяйственных систем. Гагарина Г.Ю., Зульфугарзаде Т.Э., Антипина Е.В., Бондаренко Н.Е., Валентей С.Д., Громыко В.В., Дзарасов Р.С., Евсюков С.Г., Забелина М.И., Казаринова Е.Б., Комарова И.П., Сигарев А.В., Скрыль Т.В., Устюжанина Е.В., Мунчаев Ш.М., Хасбулатов Р.И., Жигун Л.А., Гришин В.И., Журавлева Г.П., Смагина В.В. Сер. Выпуск 9 Университетские научные школы. Тамбов, 2014.

2. Структурные сдвиги и институциональная адаптация факторов экономического роста в условиях глобальной экономической нестабильности. Журавлева Г.П., Манохина Н.В., Русановский В.А., Сытник А.А., Бабайцева И.К., Барашов Н.Г., Гусарова Л.Ф., Чумаченко Н.Э., Орехова Е.А., Данилова Н.Ф., Лахнова Т.В., Егорова А.В., Тучина Н.А., Устинова Н.Г., Саратов, 2015.

3. DiCicco, J., & Onea, T. (2023, January 31). Great-Power Competition. Oxford Research Encyclopedia of International Studies. Retrieved 20 Feb. 2024, from <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-756>.

4. Philipp Heimberger. Does economic globalisation affect income inequality? A meta-analysis. Special Issue: The Effects of Services Trade Policies. November 2020. Pages 2960-2982. Available from: <https://doi.org/10.1111/twec.13007>

5. Sears, N.A. (2020) International politics in the age of existential threats. *Journal of Global Security Studies*, 6(3), ogaa027. Available from: <https://doi.org/10.1093/jogss/ogaa027>

6. Sears, N.A. (2020) Existential security: towards a security framework for the survival of humanity. *Global Policy*, 11(2), 255–266. Available from: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12800>

7. Sears, N.A. (2023) Great power rivalry and the securitization of humanity: why states fail to securitize existential threats to humankind. Paper presented at the 64th ISA annual convention, Montreal, Canada, 15–18 March. Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.13265#gpol13265-bib-0007>

References:

1. New approaches to economic development and adjustments of modern economic systems. Gagarina G.Yu., Zulfugarsade T.E., Antipina E.V., Bondarenko N.E., Valentey S.D., Gromyko V.V., Dzarasov R.S., Evsyukov S.G., Zabelina M.I., Kazarinova E.B., Komarova I.P., Sigarev A.V., Skryl T.V., Ustyuzhanina E.V., Munchaev Sh.M., Khasbulatov R.I., Zhigun L.A., Grishin V.I., Zhuravleva G.P., Smagina V.V. Ser. Issue 9 University Science Schools. Tambov, 2014.

2. Structural shifts and institutional adaptation of economic growth factors in the context of global economic instability. Zhuravleva G.P., Manokhina N.V., Rusanovsky V.A., Sytnik A.A., Babaitseva I.K., Barashov N.G., Gusarova L.F., Chumachenko N.E., Orekhova E.A., Danilova N.F., Lakhnova T.V., Egorova A.V., Tuchina N.A., Ustinova N.G., Saratov, 2015.

3. DiCicco, J., & Onea, T. (2023, January 31). Great-Power Competition. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Retrieved 20 Feb. 2024, from <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-756>.

4. Philipp Heimberger. Does economic globalisation affect income inequality? A meta-analysis. Special Issue: The Effects of Services Trade Policies. November 2020. Pages 2960-2982. Available from: <https://doi.org/10.1111/twec.13007>

5.Sears, N.A. (2020) International politics in the age of existential threats. *Journal of Global Security Studies*, 6(3), ogaa027. Available from: <https://doi.org/10.1093/jogss/ogaa027>

6.Sears, N.A. (2020) Existential security: towards a security framework for the survival of humanity. *Global Policy*, 11(2), 255–266. Available from: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12800>

7.Sears, N.A. (2023) Great power rivalry and the securitization of humanity: why states fail to securitize existential threats to humankind. Paper presented at the 64th ISA annual convention, Montreal, Canada, 15–18 March. Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.13265#gp0113265-bib-0007>